

Сказки братьев Гримм.

Счастливы Ганс

Ганс прослужил семь лет у своего господина и стал говорить ему: «Срок моей службы, сударь, миновал уже, и я бы очень охотно вернулся теперь к моей матери; а потому пожалуйста мне мое жалованье».

Хозяин его отвечал: «Ты служил мне верно и честно; по твоей службе должна быть тебе и награда», – и дал ему кусок золота величиной с его голову. Ганс вытащил платочек из кармана, завернул в него слиток золота, положил его на плечо и пустился домой.

Шел он своей дорогой, плелся нога за ногу и увидел всадника, который бодро и весело прорысил мимо него на славной лошади. «Ах, – сказал Ганс вслух, – что за славная штука эта верховая езда! Сидишь словно на стуле, ни на какой камень не спотыкаешься, обуви не изнашиваешь, и едешь себе вперед да вперед, сам того не замечая».

Всадник, услышав это, сдержал коня и крикнул: «Эй, Ганс, так зачем же ты пешком-то идешь?» – «Приходится идти пешком, коли нужно домой снести вот этот слиток: оно, положим, и золото, однако вот голову приходится набок держать, да и плечо оттянуло». – «А знаешь ли что? – сказал всадник. – Давай меняться: я тебе отдам своего коня, а ты мне свой слиток». –

«С удовольствием, – сказал Ганс, – но только предупреждаю, что придется тебе с ним тащиться».

Всадник спешился, взял у Ганса слиток золота и помог ему взобраться на седло; потом дал ему поводья в руки и добавил: «Если хочешь, чтобы конь бежал быстро, тебе надо только языком прищелкнуть да крикнуть: гоп, гоп».

Ганс был радешенек, что уселся на лошадь, и поехал он себе легко и свободно.

Немного спустя ему показалось, что следует ехать быстрее, и он стал языком прищелкивать и покрикивать: гоп, гоп! Конь пошел крупной рысью, и прежде чем Ганс успел оглянуться, он очутился во рву, который отделял дорогу от полей.

И лошадь тоже перескочила бы через ров, если бы не удержал ее встречный крестьянин, который шел по дороге и гнал перед собою корову.

Ганс кое-как выкарабкался и поднялся на ноги; но он был очень раздосадован и сказал мужику: «Какая глупая штука эта верховая езда! Особенно когда вот на такую клячу попадешь, которая и трясет, и с себя сбрасывает, того и гляди еще шею себе переломишь! Никогда я теперь больше на нее не сяду! То ли дело ваша корова – идешь себе за нею вольготно, да сверх того еще каждый день от нее и молоко, и масло, и сыр. Чего бы я ни дал за такую корову!» – «Ну, уж если вам моя корова так приглянулась, так я охотно поменяюсь ею на вашего коня».

Ганс был радешенек этой мене; а крестьянин поскорее вскочил на коня и поспешил уехать.

Вот Ганс преспокойно погнал перед собою корову и все обдумывал свой удачный оборот. «Как это славно! Стоит только куском хлеба запастись (в нем у меня не будет недостатка!), а сыр да масло у меня во всякое время готовы! А захотелось пить – подоил корову, да и напился, сколько душе угодно!»

Подойдя к гостинице, Ганс приостановился, на радостях съел все, что у него было захвачено на дорогу на обед и на ужин, и на последнюю пару крейцеров приказал подать себе полстакана пива. Затем погнал свою корову далее по дороге к деревне, где жила его мать.

Жар был томительный, потому что время уже близилось к полудню,

а Гансу оставалось еще, по крайней мере, час пути.

Наконец жара его до такой степени одолела, что у него и язык к небу липнуть стал. «Этой беде помочь нетрудно, – подумал Ганс, – вот теперь-то и стоит подоить корову и полакомиться от нее молочком!» Привязал он корову к сухому дереву, подставил свою кожаную шапку вместо подойника, но как ни бился, молока не мог добыть ни капли. А так как он доил корову неискусно, то она стала у него брыкаться и нанесла ему задней ногой такой удар в голову, что он покатился на землю и некоторое время даже в себя прийти не мог.

По счастью, по той же дороге шел в то время мясник, который вез перед собою на тележке поросенка. «В чем тут дело?» – крикнул он Гансу и помог ему подняться.

Ганс рассказал ему, что случилось. Мясник подал ему свою фляжку и сказал: «На-ка, выпей да подкрепись! Корова эта, конечно, никакого молока не даст – она уж стара и годится разве только для тяги либо на убой». – «Э-э! – проговорил Ганс, ероша на голове волосы. – Кто бы мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если можно такую скотину дома заколоть – говядина славная! Но я коровьего мяса не люблю: не сочно, вишь, оно! Вот если бы мне такую свиночку – это другое дело, да притом еще и колбаски!» – «Слышь-ка, Ганс, – сказал мясник, – уж так, для тебя, я, пожалуй, с тобой на корову свинкой поменяюсь». – «Благослови тебя Бог за твое расположение ко мне!» – сказал Ганс, передавая ему корову, и когда мясник отвязал свинку с тележки и привязал на веревку, то Ганс взял конец той веревки в руку.

Пошел Ганс и стал думать, как все устраивается по его желанию, и даже если встречается какая неприятность, то сейчас же и улаживается.

Вскоре нагнал его на дороге еще один парень, который нес под мышкою чудесного белого гуся. Стали они между собою беседовать, и Ганс стал ему рассказывать о своем счастье и о том, как удачно он выменивал одну вещь на другую. Парень тоже рассказал ему, что несет гуся на угощение при крестинах. «Изволь-ка приподнять его, – продолжал он, – какова тяжесть! Недаром мы его целых восемь недель откармливали! Кто этакого

гуся станет есть, тот только знай с обеих сторон жир вытирай!» – «Да, – сказал Ганс, взвешивая гуся в одной руке, – гусь увесистый; ну, да и моя-то свинка тоже за себя постоит!»

Между тем парень стал тревожно озираться во все стороны и даже покачивать головой. «Слушай-ка, – сказал он наконец, – насчет твоей свинки дело как будто неладно. В деревне, через которую я сейчас шел, у старшины вот только что украдена была из хлева свинья. Боюсь я, не та ли это, что у тебя теперь на веревке. Он выслал и людей на поиски, и дело бы могло плохо кончиться, если бы они тебя застали здесь со свиньей; пожалуй, не миновать бы тебе темного чулана».

Добрjak Ганс струхнул. «Ах, батюшки, – засуетился он, – пособите мне из этой беды выпутаться! Возьмите мою свинку и дайте мне вашего гуся в обмен». – «Делать нечего! Попробуем, хоть оно и небезопасно, – отвечал Гансу парень, – а все же не желаю быть виною того, что на тебя беда обрушится». Он взял веревку в руки и погнал свинью в сторону проселком, а простодушный Ганс, избавившись от своих опасений, преспокойно пошел своей дорогой с гусем под мышкой.

«Коли все-то хорошенько сообразить, так я, пожалуй, и в барышах от меня, – размышлял Ганс, – во-первых, жаркое из гуся отличное; затем жиру-то сколько из него вытопится – месяца три сряду на нем лепешки печь станем; а наконец и чудный белый пух, которым велю набить свою подушку; да еще как на ней спать-то мягко будет!»

Когда он проходил через последнюю деревню на своем пути, он наткнулся на точильщика, который, сидя на своей тележке, вертел свое колесо, припевая:

И ножи, и ножницы я точу, точу, Ни забот, ни горюшка знать я не хочу!

Ганс приостановился и посмотрел на его работу, а потом вступил с ним в разговор: «Видно, хорошо тебе живется, что ты за своею работою так весел?» – «Да, – отвечал точильщик, – мое ремесло, можно сказать, золотое! Коли ты точильщик настоящий, так ведь деньги-то у тебя в кармане не переводятся. А где это ты такого славного гуся купил?» – «Я не купил его, а выменял на свою свинку». – «А свинку?» – «Ту я получил в обмен на корову». –

«А корову?» – «Той я поменялся на коня». – «А коня?» – «Коня я выменял на слиток золотой величиною в мою голову». – «А золото-то откуда у тебя взялось?» – «То я получил в награду за семь лет службы». – «Надо сказать правду: умел ты свои делишки обделать! – сказал точильщик. – Для твоего полного счастья недостает только одного: чтобы деньги у тебя постоянно в кармане водились». – «А как же мог бы я этого добиться?» – спросил Ганс. «Очень просто: ступай вот так же, как я, в точильщики; для этого только нужно, что обзавестись точильным камнем; а другой камень простой, найти его нетрудно. Вот у меня, кстати, есть один запасный, правда, немного поврежденный; да зато же я за него недорого и возьму – ну, вот сменяю его на твоего гуся. Хочешь или нет?» – «Само собою разумеется, – отвечал Ганс, – я почти себя счастливейшим из смертных! Коли у меня деньги в кармане переводиться не будут, так тогда о чем же мне и заботиться?»

И он тотчас же протянул ему своего гуся, а от него взял точильный камень. «Ну, а вот тебе еще и другой славный камень в придачу, – сказал точильщик, подавая Гансу простой увесистый булыжник, который около него валялся на земле, – на этом можно будет и старые гвозди отбивать. Возьми уж кстати и его с собой!»

Ганс взвалил себе булыжник на плечо и, совершенно довольный, направился домой, глаза его так и сияли от радости. «Видно, я в сорочке родился! – думал он про себя. – Чего бы я ни пожелал, все мне так легко удается. Вот каков я счастливец!»

Между тем он начинал чувствовать сильное утомление, потому что спозаранку все был на ногах, притом и голод его томил и нечем было утолить его, потому что он разом съел весь свой запас на радостях, когда выменял корову.

Наконец уж он еле ноги волочил и почти каждую минуту должен был останавливаться для роздыха; да и камни ему невыносимо давили плечи. Ему даже приходило не на шутку в голову, что было бы недурно именно теперь от них избавиться.

Чуть не ползком добрался он до колодца в поле и задумал около него отдохнуть и водицы холодненькой испить; а камни, чтобы их не повредить, он осторожно сложил рядом, на самый край

колодца. Затем уж сам присел и только хотел нагнуться к воде, как зацепил по неосторожности оба камня, и они бухнули в воду. Когда Ганс увидел, что они скрылись в глубине, он радостно вскочил со своего места, бросился на колени и со слезами на глазах благодарил Бога за то, что он оказал ему такую милость и избавил его от тяжелых камней таким чудесным образом и притом так, что он сам не мог себя ни в чем упрекнуть.

«Да, – воскликнул он, – такого счастливого, как я, не найдется другого во всей вселенной!»

С облегченным сердцем и вполне свободный от всякой тяжести, он поспешил вперед и достиг наконец дома своей матери.

(Голосов: **5**. Рейтинг: **4,60** из 5)

Загрузка...